

## Глава 106. Жалкий, беспомощный, но очень прожорливый

Сидевший на кровати пушистый комочек в один миг взъерошился!

Глупый толстый пёс?!

Вот это да, просто отлично. Раньше его максимум называли тупой псиной, а теперь он, значит, повысился — до толстого тупого пса!

Фу Линцзюнь, вонючий придурок! Это сам Фу Линцзюнь тупая псина! И вся его семья — тупые псины!

Цзян Тан немедленно занёс очередное прегрешение Фу Линцзюня в свою книжечку обид, наградил его огромным закатанным взглядом и вдобавок демонстративно выставил в его сторону зад.

Некоторые с виду — вежливые и мягкие светила праведного пути, а наедине как рот откроют — ядовитее некуда.

Так что Фу Линцзюнь увидел лишь, как пушистый, словно облачко, комочек сердито засопел, повернулся к нему спиной, выставив круглый зад, и раздражённо мотнул большим хвостом из стороны в сторону.

Так, пожалуй, даже живее и забавнее.

Услышав слова старшего брата, Фу Чэнь, хоть и был уверен, что подобранный им пушистик вовсе не тупой, не толстый, не глупый, а очень даже милый и уж точно ничем не напоминает собаку, всё же проворно слез с кровати, осторожно поднял Цзян Тана на руки и подошёл к брату. По дороге он исподтишка поглядывал на лицо Фу Линцзюня, пытаясь угадать его настроение:

— Брат, я подобрал его вон там, на задней горе... Там ещё брат Нин был, мы нашли его вместе.

Потом жалобно добавил:

— Он раненый, такой бедный.

Взгляд Фу Линцзюня упал на белоснежный комочек на руках младшего брата. Ничего не сказав, он лишь слегка повёл глазами в сторону стола.

Мальчишка мгновенно понял его. Прижимая к себе Цзян Тана, он быстро подбежал к столу и с

величайшей торжественностью поставил пушистика на столешницу.

Пока белый комочек сидел на руках у Фу Чэня, раненая лапа была спрятана, и толком разглядеть её было нельзя. Только теперь, когда его поставили на стол, Фу Линцзюнь увидел на пухлой ножке довольно глубокую поперечную рану.

Стоило подойти ближе — и в воздухе неспешно поплыл лёгкий сладковатый аромат.

Величиной с ладонь, снежно-белый, с длинными, как у зайца, ушами, пушистым, словно облако, хвостом и странным благоуханием — Фу Линцзюнь, разумеется, сразу понял, что за существо перед ним. Только не знал, почему нечто, давно исчезнувшее из мира, вдруг оказалось здесь.

Он сел и потянулся к раненой задней лапке.

— У-и... — захныкал Цзян Тан.

Полегче, полегче! Больно же!

Длинные пальцы на миг замерли. Потом Фу Линцзюнь одной рукой сложил печать, и с кончиков его пальцев потекла чистая вода, смывая грязь вокруг раны. Когда рана очистилась, он достал из жемчужины-нахай коробочку с мазью, зачерпнул немного пальцем и аккуратно нанёс на рану.

— Уи-уи... — Цзян Тан не удержался и попытался отдёргнуть лапу.

На этот раз Фу Линцзюнь его не отпустил. Он протянул руку, перехватил эту маленькую, но пухлую лапку и не только обработал её мазью, но ещё и чем-то перевязал — так туго, что теперь Цзян Тан не мог даже согнуть заднюю ногу.

Цзян Тан и сам не понимал, как Цзян Чанъюаню удалось такого добиться. Он ведь знал: всё вокруг — созданный сон. Но чувствовал себя так, будто провалился в какую-то параллельную реальность. Здесь всё было до ужаса настоящим. Когда налетал ветер, он приносил с собой цветочный запах; прикосновения отзывались чужим теплом и биением сердца; во время бега пот стекал со лба и впитывался в одежду; прячась в чужих объятиях, можно было уловить тонкий запах пота... Каждый человек в этом мире был таким живым, таким полным жизни.

И таким осязаемым.

Всё, что он видел, слышал, обонял, к чему прикасался и даже какую боль чувствовал, ясно напоминало: этот мир слишком реален.

До пугающего реален.

Теперь Цзян Тан наконец понял, что имел в виду Цзян Чаньюань, когда говорил: даже если тот и сумеет войти в этот мир и силой разбудить Фу Линцзюня, итогом всё равно станет лишь гибель тела и рассеяние души.

Это уже не просто сон.

Потому что в благовоние, притягивающее души, был подмешан прах самых близких Фу Линцзюню людей. Когда он сам вошёл в этот сон, вина и тоска по родным и друзьям заставили его достроить этот мир до мельчайших подробностей. Всё живое, что было здесь, ожило благодаря ему и обрело собственную траекторию судьбы.

Он плакал бы и смеялся из-за этого мира, чувствовал бы в нём счастье и боль; его душа уже приросла к этой реальности, созданной специально для него. И если вдруг прямо сказать ему, что всё это ложь, вместе с исчезновением этого мира исчезнет и его душа.

Цзян Тан занервничал: в нынешнем облике он и правда мало что мог сделать. Но, поразмыслив, вспомнил слова Цзян Чаньюаня: нужно дождаться, чтобы Фу Линцзюнь естественным образом умер внутри сна. Лишь тогда душа поверит, что действительно умерла, и перестанет сопротивляться. А раз так, сейчас в этом мире, похоже, ещё не было ничего, что могло бы угрожать жизни Фу Линцзюня. Действовать нужно постепенно, значит, времени уйдёт немало.

К тому же время во сне и в реальности течёт неодинаково. Он ещё успеет действовать не спеша.

Но стоило ему только подумать, что времени достаточно, как он услышал ледяной голос Фу Линцзюня:

— Всё. Унеси его.

Цзян Тан: ???

Что значит «унеси»?! Я вообще-то твой парень! Неужели ты даже не собираешься оставить меня у себя?!

Поднимать благосклонность в пушистом зверином облике и без того непросто, а тут его ещё и прогонять собрались! Тьфу! Подлец!

Так что он решил: терять ни секунды нельзя, пора срочно покорять цель задания.

— У-и... — розовый носик дёрнулся. Пушистик мягко тронул лапками руку Фу Линцзюня, лёгким движением хвоста провёл по ней, а большие глаза у него стали влажными и жалобными.

Фу Линцзюнь остался равнодушен.

Цзян Тан решил, что этого мало, и подался ещё ближе: потёрся пушистой мордочкой о тыльную сторону его ладони и, потираясь, тихонько захныкал.

Фу Линцзюнь по-прежнему не дрогнул.

В огромных блестящих глазах Цзян Тана отразилось искреннее недоумение. Что-то не так. Даже когда босс Фу, застряв в долине Тяньбэй, время от времени входил в режим ПМС, он всё равно очень любил тискать всякую пушистую мелочь. Почему же сейчас это почти не работает?

Видимо, он недостаточно старается. Значит, надо подлизываться ещё усерднее.

И вот пушистик с раненой задней лапкой обхватил обеими лапами один палец Фу Линцзюня, высунул розовый язычок и мягко лизнул самый кончик.

Мокро. Тепло. Нежно. От кончика пальца вверх поползла щекотная, чуть онемевшая дрожь.

На пальце, который только что вылизали, осталась тёплая слюна зверька; когда язычок исчез, на коже остался лёгкий прохладный след.

И одним пальцем дело не ограничилось. Обхватив его лапками, зверёк прошёлся языком от пальца к тыльной стороне ладони и вылизал всю руку, так что та стала совсем влажной. При этом он ещё и поглядывал на Фу Линцзюня своими чёрными, как виноградины, глазами: счастливый, довольный, будто ему всё это ужасно нравится.

С каменным лицом Фу Линцзюнь выдернул руку из-под его языка.

— Ачэнь, унеси его, — сказал он.

Цзян Тан: Да что ж такое! Он уже так унизился, а его всё равно отвергают?!

Стоявший рядом пухленький мальчишка протянул было свои толстенькие ручки, похожие на корешки лотоса, но тут же смущённо отдёргнул их обратно:

— Брат, я... я не умею менять повязки... Может, ты пока сам поухаживаешь за ним какое-то

время?

Сказав это, он поспешно добавил:

— Я ведь ещё не сказал матушке, что принёс его домой. Я сначала пойду спрошу у неё, ладно?

Старший брат, уже взрослый, жил отдельно, тогда как маленький Фу Чэнь по-прежнему жил вместе с отцом и матерью. Хотя матушка и не говорила, что не любит зверьков, Фу Чэнь считал: хороший, послушный ребёнок должен сначала спросить разрешения у родителей, а уж потом приносить домой малыша.

Фу Линцзюнь поднял глаза и посмотрел на него. Фу Чэнь тут же расплылся в заискивающей улыбке и чуть ли не потянулся обнимать его за ногу:

— Ну можно, братец?.. А то если я заберу его сейчас и не смогу нормально о нём позаботиться, матушка опять будет меня ругать.

И не без причины. Когда Фу Чэнь ещё толком ходить не умел, он где-то подобрал неоперившегося птенца, рыдал и упрашивал оставить его себе. В итоге чуть не уморил беднягу насмерть, и только матушка, день за днём кормя птенца рисовой кашей, всё-таки выходила его. После этого она и сказала: если не можешь взять на себя ответственность за зверька, не заводи его по прихоти.

Фу Линцзюнь, конечно, об этом помнил.

Он взглянул на послушно притихший у его руки пушистый комочек, потом на умоляющее лицо младшего брата.

— Ладно, — без всякого выражения ответил он.

Фу Чэнь аж подпрыгнул от радости:

— Спасибо, брат!

С этими словами он подбежал, погладил зверька по пушистому уху и, продолжая гладить, радостно сказал:

— Подожди меня! Завтра я обязательно заберу тебя домой!

Ушки, которых коснулись, слегка дёрнулись.

Цзян Тан: Вообще-то не обязательно. Нам с моим парнем ещё нужно как следует наладить отношения, переезд сейчас совсем некстати.

Когда пухлый мальчишка ушёл, Цзян Тан снова принялся изо всех сил подлизываться: подлезал поближе, норовил лизнуть красавцу руку, прикусить край одежды, помять лапками, будто котёнок. Всё-таки в облике зверька он прожил уже немало, так что в таких приёмчиках успел набить руку.

Но стоило ему только потянуться лизнуть ещё раз, как его схватили за шкурку, за ту самую роковую складочку на загривке.

— Настолько я тебе нравлюсь? — в голосе Фу Линцзюня, кажется, звучала улыбка.

Вися на весу, Цзян Тан не видел его лица. К тому же задняя лапа у него была перевязана, как цзунцзы, так что вырываться было неудобно. Он беспомощно обмяк пушистым комочком в его руке и только жалобно пискнул:

— У-и.

А кто не любит благоухающего красавца, а?!

И тут он услышал бессовестно самодовольную, ужасно напрашивающуюся на побои реплику:

— Вкус у тебя, однако, неплохой.

Цзян Тан: ???

Разве Фу Линцзюнь не должен был превратиться в мягкого, как нефрит, светоча праведного пути? Почему он всё равно такой самодовольный и ядовитый, да ещё совсем не похож на того, каким Цзян Тан его себе представлял?!

Неужели некоторые вещи, вроде его колючей натуры, нельзя сбросить даже после полного возврата к заводским настройкам?

Маленькая псинка, полная вопросов, болталась у него в руке, пока Фу Линцзюнь не подошёл к кровати. Цзян Тан уже решил, что сейчас его вернут на постель отдыхать, но вместо этого увидел, как тот непонятно откуда достал кусок ткани, на скорую руку сложил у края кровати до смешного небрежное гнездо и опустил его туда. После чего сразу развернулся и пошёл к двери.

— Уи-уи! — Эй! Парень! Кормилец! Вернись! Я вообще-то проголодался, мне бы поесть!

Но лапа у него была замотана, как цзунцзы, догнать Фу Линцзюня он не мог, так что оставалось лишь смотреть, как та фигура удаляется всё дальше и дальше... а потом дверь с грохотом захлопывается.

— ...

Цзян Тан молча сделал в своей книжечке обид ещё одну пометку.

Очень нескоро — наверное, как раз к следующему приёму пищи — в комнате наконец кто-то появился. Только пришёл не Фу Линцзюнь, а служанка, которую он уже видел у ворот Шуйюньтая. В руках у неё был короб с едой. Увидев пушистый комочек, она даже просияла и, быстро приблизившись, присела рядом.

Еда!

Цзян Тан тут же сел в своём гнёздышке, а его большой пушистый хвост от нетерпения зачастил из стороны в сторону.

— Так вот о ком говорил господин Юйань. Это ты, — служанка легко потрепала зверька по пушистой макушке, затем достала из короба тарелку с едой. — Небось проголодался? Давай, поешь немного.

И тут хвост вдруг резко замер.

На тарелке лежал кусок мяса. Варёного. Без соли, без вкуса, да ещё и с характерным мясным душком.

Цзян Тан: «...»

Прекрасно. Всего за один день умудриться трижды занести себя в его чёрный список — это действительно надо уметь. Как и ожидалось от Фу Линцзюня!

Учёного можно убить, но нельзя унижить. Есть это Цзян Тан не собирался и тут же свернулся клубком.

Служанка не поняла, почему зверёк не притронулся к пище, и решила, что он просто не голоден. Оставив еду, она вскоре ушла. Как только дверь закрылась, Цзян Тан вытянул переднюю лапку и отодвинул тарелку подальше. Перестарался — и тарелка опрокинулась.

Кусок мяса покатился по полу, набрал пыли и укатился далеко в сторону.

Примечание автора:

Тан: хнык-хнык, меня можно утешить только поцелуями и объятиями!

<http://bllate.org/book/17032/1722595>